
С. В. Голунов

Статья поступила
в редакцию
в октябре 2011 г.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В РОССИИ: ЗА И ПРОТИВ

Аннотация

Рассматриваются сильные и слабые стороны патриотического воспитания с точки зрения его потенциала для решения актуальных проблем развития России, таких как борьба с ростом националистических настроений и коррупции, повышение престижа честности и принципиальности как социально значимых качеств успешного человека. Сформулированы предложения по изменению акцентов в патриотическом воспитании и его места в системе национальных воспитательных приоритетов, которые, с точки зрения автора, могли бы способствовать преодолению тех черт патриотического воспитания, которые снижают его эффективность: толерантности к приспособленческому поведению воспитателей, неубедительности попыток отмежевания молодежного патриотизма от радикального национализма, нетерпимости к выразителям «недостаточно патриотичных» взглядов.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, национализм, толерантность, социально значимые качества личности, коррупция, педагоги, моральный авторитет.

С конца 1990-х годов в Российской Федерации наблюдается ренессанс патриотического воспитания (ПВ): возникают и развиваются специальные программы и центры, регулярно выходит в свет большое количество посвященных данной проблематике научных, публицистических и художественных произведений. О приоритетном положении патриотизма в ряду поддерживаемых государством направлений воспитания свидетельствует тот факт, что лишь патриотическому, а не гражданскому или духовно-нравственному, например, воспитанию уже в новом тысячелетии были посвящены три пятилетние программы, предусматривавшие значительное бюджетное финансирование. Существенная организационная и финансовая поддержка развитию молодежного патриотизма оказывается практически повсеместно и на региональном уровне.

Количество посвященных ПВ научных работ огромно и продолжает увеличиваться впечатляющими темпами: одних только диссертаций, начиная с 2000 г., по нашим подсчетам, было защищено

не менее 330¹. В этих работах уточнялось определение понятия, рассматривалось его содержательное наполнение, предлагались классификации разновидностей ПВ, анализировались другие релевантные проблемы. Подавляющее большинство таких работ принадлежит сторонникам ПВ, но периодически появляются и труды умеренных или жестких скептиков, считающих, что в патриотическом движении нередко прослеживаются тенденции шовинизма, нетерпимости к инакомыслящим, приспособленчества по отношению к складывающейся политической конъюнктуре (например, [Кива, 2007; Киселев, 1992. С. 67–68]).

К сожалению, полноценной и систематической научной полемики между приверженцами ПВ и его критиками пока не происходит. Вторые, как правило, мало знакомы с трудами первых и потому рискуют увлечься критикой не столько распространенных концепций молодежного патриотизма, сколько собственных стереотипных представлений о них. Приверженцы идей ПВ несколько лучше осведомлены об аргументации своих российских оппонентов, однако такая аргументация мало учитывается на стадии практической реализации молодежной политики. К тому же исследователи проблем ПВ, за очень редким исключением (например, [Яровиков, 2010]), практически незнакомы с современной зарубежной педагогической и политологической мыслью, крайне редко цитируют иностранных авторов и потому, как правило, не учитывают те аргументы «за» и «против», которые выдвигаются в их трудах².

Автор, конечно же, не претендует на всесторонний концептуальный анализ проблематики ПВ. Вместо этого он хотел бы сконцентрироваться на рассмотрении следующих вопросов: 1) каким злободневным проблемам уделяется приоритетное внимание в современном российском патриотико-воспитательном дискурсе, а какие проблемы, напротив, остаются в тени; 2) представители каких мировоззренческих взглядов воспринимаются в данном дискурсе как друзья/союзники, а какие — в качестве врагов/оппонентов; 3) насколько убедительно в современных российских условиях выглядят педагоги и другие распространители патриотических идей в глазах своих воспитанников. В методологическом отношении работа основана на структуралистском дискурс-анализе (подробнее см., например, [Phillips, Hardi, 2002. С. 20, 23]). Материалами для него послужили около 60 монографий, статей, диссертаций и учебных пособий по ПВ. В рамках такого анализа патриотико-воспитательный дискурс рассматривается в тесной

¹ Подсчет проводился посредством поиска по сайту Российской государственной библиотеки (<http://www.rsl.ru>) по ключевой фразе «патриотическое воспитание».

² Между тем зарубежные работы о тенденциях развития ПВ существуют. В числе прочего в них подвергаются критике такие его черты, как чрезмерная государственноцентричность и милитаризованность, слабость гражданского компонента при гораздо большем акценте на обязанностях, чем на правах россиян, де-факто предпочтительное отношение к православию по сравнению с другими религиями и т.п. См., например, [Blum, 2006; Laruelle, 2009. P. 177–180].

взаимосвязи с социально-политическим контекстом: патриотико-воспитательный дискурс формирует этот контекст и сам формируется им. В рамках такого анализа важно обращать внимание не только на преобладающие смысловые акценты, но также на случаи, когда те или иные злободневные проблемы недостаточно представлены в дискурсе.

Ответы на поставленные в данной работе вопросы могут послужить матрицей для концептуального осмысления сильных сторон и потенциальных слабостей ПВ, для выработки рекомендаций по его осуществлению, а также заложить формат для дальнейших дискуссий о развитии концептуальных и практических подходов к ПВ в современных российских условиях.

Патриотическое воспитание в 1990-е — 2000-е годы: эволюция государственной политики

В советский период ПВ в значительной степени носило военизированный характер: доминирующей его составляющей была морально-идеологическая подготовка защитников Отечества к выполнению своего долга. После распада СССР патриотизм утратил свои позиции в российской педагогической практике и в течение большей части 1990-х годов подвергался жесткой критике как наследие советской тоталитарной идеологии и как комплекс установок, провоцирующих рост шовинистических настроений (например, [Киселев, 1992. С. 67–68]).

Возрождение популярности ПВ прослеживается с конца 1990-х годов. Поначалу оно позиционировалось как ответ на растущий ценностный вакуум в молодежной среде, на распространение в ней неуважения к своей стране и к социальному окружению. Заметный вклад в патриотический ренессанс конца 1990-х внесли военные, которые хотели восстановить — с некоторой поправкой на изменившиеся реалии — советского стиля систему моральной подготовки молодежи к обороне страны и к несению воинской службы.

Довольно скоро возродившийся интерес к ПВ получил широкую официальную поддержку, показателем чего стало принятие в феврале 2001 г. национальной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 гг.». Как и в советский период, приоритетом в ней стала подготовка молодежи к защите страны, однако наряду с этим упор также был сделан на формирование личности гражданина, борьбу с девальвацией духовных ценностей и неуважительным отношением к государству и социальным институтам, на пропаганду исторического наследия и культурных ценностей. В программе были сформулированы довольно амбициозные, но при этом весьма расплывчатые цели (например, «обеспечение духовно-нравственного единства общества»), на основании выполнения которых фактически «на глазок» предлагалось оценивать ее эффективность. Особую роль военно-патриотического компонента подчеркивал выбор в качестве координатора программы Правительственной комиссии по социальным вопросам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей.

Данную программу критиковали даже убежденные сторонники развития ПВ, в частности за недостаточность выделенных для ее реализации бюджетных средств [Уткин, 2009. С. 3; Хаустов, 2007. С. 83], составивших 177,95 млн руб. [О государственной программе...]. В то же время сам факт ее разработки свидетельствовал о приоритетном положении ПВ: другие разновидности воспитания специальных концепций не удостоились. На основе данной программы в 2001–2005 гг. в стране была создана система ПВ, включая межведомственные координационные центры федерального и регионального уровней.

На дальнейшее развитие патриотико-воспитательного дискурса в РФ немалое влияние оказала серия произошедших в 2003–2005 гг. на постсоветском пространстве (в Грузии, на Украине и в Киргизии) «цветных» революций. Часть политической элиты и общественности России расценила их как организованные «некими силами на Западе» управляемые выступления против действующей власти и манипулирование «неокрепшим сознанием молодежи». В 2005 г. возникли проправительственные молодежные движения «Наши» и «Молодая гвардия "Единой России"», изначально всячески подчеркивавшие свой патриотический характер как в программных документах, так и в практической деятельности.

В том же 2005 г. была принята вторая общенациональная программа ПВ, бюджет которой составил уже 497,8 млн руб.³ Патриотизм был назван в данной программе «стержневой духовной составляющей России», при этом значительный акцент был сделан на внедрение патриотического компонента в курсы социально-гуманитарных дисциплин и на поддержку исследований в области ПВ [Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 гг.»...]. В отличие от первой программы, во второй появился перечень критериев эффективности достижения поставленных целей, таких как численность участвующих в соответствующих мероприятиях людей и учреждений, количество научно-исследовательских работ по тематике ПВ и т. п. Организационное сопровождение второй программы было поручено Российскому государственному военному историко-культурному центру при Правительстве Российской Федерации, а в число головных исполнителей вошли министерства образования, обороны и культуры.

Именно в период реализации второй общенациональной программы ПВ окончательно стало главенствующим направлением молодежной политики. Властные структуры федерального и регионального уровней, образовательные учреждения, молодежные клубы, исследователи самых разных педагогических проблем всячески старались подчеркнуть соответствие своей деятельности данному направлению и тогда, когда это было уместно, и в тех

³ Ряд значительных молодежно-патриотических мероприятий финансировался из других источников, например ежегодный форум «Селигер» получает поддержку в виде правительственных грантов.

случаях, когда роль патриотического компонента в этой деятельности выглядела преувеличенной или искусственной. В некоторых случаях эта роль приводила на память ту функцию, которую в известной сказке сыграл топор в процессе приготовления каши: акцент на ПВ был нужен организаторам тех или иных проектов (основные затраты на проведение которых были связаны с патриотико-воспитательной деятельностью в лучшем случае лишь косвенно) для получения повышенного финансирования или иных дивидендов.

На региональном уровне наиболее широкомасштабным проектом стала предложенная в 2010 г. властями Волгоградской области идея создания в регионе национального центра «Победа», позиционировавшегося как будущий главный идеологический центр воспитания подрастающего поколения на примере исторических традиций, и особенно героического наследия Сталинградской битвы. Создание такого историко-патриотического комплекса, по мысли автора проекта, требовало реконструкции исторических и культурных объектов, модернизации гостиничной и транспортной инфраструктуры и прочих расходов общим объемом 90,8 млрд руб. (т.е. в 182 раза больше финансирования второй общенациональной программы)⁴. К моменту написания статьи вопросы поддержки проекта и определения объемов его финансирования находились в стадии обсуждения.

В период с 2006 по 2010 г. наблюдался резкий рост количества научно-исследовательских работ по проблемам ПВ⁵, что может быть объяснено как высокой актуальностью и конъюнктурностью данной проблематики, так и тем, что для второй программы количество таких работ являлось важным критерием успешности ее реализации. Возникла тенденция «вбирания» в ПВ некоторых видов воспитания, особенно гражданского, и оттеснения других (например, интернационалистического и отчасти гуманистического) на второй план.

В третьей общенациональной программе ПВ, охватывающей период с 2011 по 2015 г., прослеживается более значительный охранительный акцент, чем в предыдущих: в числе планируемых результатов фигурируют, в частности, «преодоление экстремистских проявлений отдельных групп граждан», «социально-экономическая и политическая стабильность» и «укрепление национальной безопасности». Запланированный бюджет третьей программы составил 777,2 млн руб. [Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 гг.»...].

Таким образом, после периода утраты популярности в 1990-е годы в следующем десятилетии ПВ фактически заняло главенствующее положение в системе воспитательных приоритетов го-

⁴ Подробнее см.: [Национальный центр «Победа»...].

⁵ Так, по подсчетам автора, в каталоге Российской государственной библиотеки монографий и сборников статей по рассматриваемой теме, выпущенных в 2006–2010 г., примерно в 6 раз больше, чем аналогичных публикаций, приходившихся на 2001–2005 гг.

сударства. Seriously увеличилась материальная и организационная поддержка соответствующей политики, была создана мощная институциональная основа для проведения мероприятий, а также для внедрения патриотического компонента в социально-гуманитарные учебные циклы. В официальном патриотико-воспитательном дискурсе в 2000-е годы прослеживаются отчетливые охранительные тенденции, что выражается как в эволюции концептуальных приоритетов соответствующих общенациональных программ, так и в установках и характере деятельности проправительственных молодежных объединений, получающих большую поддержку со стороны государства.

Если сторонники ПВ считают, что оно должно стать стержнем в системе морально-нравственных ориентиров молодых людей и стимулировать их к созидательной деятельности на благо своей Родины, то противники опасаются роста агрессивной нетерпимости (шовинизма, радикального национализма, обструкции инакомыслящих), а также того, что официозный патриотизм будет стимулировать беспринципное приспособленчество.

Исследователям, стремящимся сохранять объективность в анализе социальных приоритетов патриотико-воспитательного дискурса, следует в полной мере учитывать его эклектичность: он вбирает в себя очень широкий спектр подходов к воспитательному процессу и включает ценностные установки, основанные на различных, порою противоречащих друг другу мировоззренческих ориентирах (упор на гражданскую и этнокультурную идентичность, жесткий этатизм и гражданский активизм, моральный ригоризм и толерантность к широкому спектру форм поведения, толерантность и настороженное отношение к экспансии «чужих» культурных ценностей и т.п.). Можно лишь с определенными оговорками пытаться выявить те особенности рассматриваемого дискурса, которые акцентируются или, напротив, остаются в тени в большинстве работ по ПВ, а также в официальных концептуальных документах или в практической политике, проводимой властями разных уровней.

Поначалу в патриотико-воспитательном дискурсе был очень силен морализм: разрушение моральных устоев подрастающего поколения нередко связывалось с либерализацией 1990-х и с «разлагающим влиянием» западных ценностей [Выршиков, Кусмарцев, 2008. С. 3; Лесняк, Зырянов, 2009. С. 79; Суколенов, 2006. С. 29–30]. Однако такого рода ригористский акцент был довольно абстрактным и не спровоцировал каких-либо жестких и систематических действий со стороны властей по защите нравственности, несмотря на то что официальные лица периодически делают заявления о необходимости оградить подрастающее поколение от вредного влияния ряда телепередач, а проправительственные молодежные организации время от времени проводят кампании против «аморальных явлений» (например, проституции).

Патриотическое воспитание в контексте актуальных проблем развития России

Вместе с тем в патриотическом дискурсе проявляется и некоторая либерализация представлений о морально допустимом: так, хотя в мейнстримном молодежном патриотизме и в концептуальных работах по ПВ (например, [Вырщиков, Кусмарцев, 2008. С. 3; Уткин, 2009. С. 40]) пока по-прежнему прослеживаются гомофобские настроения, лоялистско-патриотические организации уже довольно активно апеллируют к эротическим ассоциациям в некоторых своих политических акциях.

С конца 1990-х годов в ряду главных вызовов, с которыми должно было иметь дело ПВ, упоминались **неуважение значительной части молодежи к стране в целом, к малой родине и социальному окружению, нежелание вносить полноценный вклад в их благополучие** [Вырщиков, Кусмарцев, 2008. С. 3]. Как в 1990-е, так и в 2000-е годы эти проблемы были и остаются весьма серьезными, а их нерешенность оказывает существенное отрицательное влияние на развитие страны. Можно по-разному оценивать эффективность ПВ как средства противодействия такого рода негативным явлениям, но найти ему адекватную замену в этой роли непросто.

Во многом в силу преемственности с советской традицией в российском ПВ постсоветского периода очень силен военизированный компонент: акцент делается на **подготовку молодых людей к службе в армии**, изучение героических традиций военно-исторического прошлого страны и т.п. Военное направление ПВ имеет выраженный гендерный уклон, ибо целевой аудиторией, которую надлежало готовить к выполнению воинского долга, являлись юноши. Не подвергая сомнению значение морального воспитания защитников страны, следует отметить, что чрезмерная милитаризация патриотико-воспитательного дискурса чревата раздуванием алармистских и шовинистических настроений и увлечением поиском врагов — явлениями, о которых более подробно пойдет речь далее. Кроме того, в условиях широкой распространенности дедовщины и других злоупотреблений в российской армии многочисленные мероприятия по военно-спортивной подготовке и по популяризации истории Великой Отечественной войны служат не слишком убедительной агитацией в пользу выполнения каждым призывником воинского долга. Только увязав свою активность с жесткой, повсеместной и осуществляемой не только на словах, но и на деле борьбой с такими злоупотреблениями, приверженцы военно-патриотического воспитания могут рассчитывать на достижение сколько-нибудь существенного прогресса в своей деятельности.

Вопрос о соотношении ПВ с наблюдаемым в последнее время **ростом радикально-националистических и шовинистических настроений** в российском обществе довольно сложен и неоднозначен. Некоторые критики прямо обвиняют российский официозный патриотизм в провоцировании такого рода настроений. Так, по мнению российского исследователя и публициста В. Якобсона,

«патриотическое воспитание может плодить только шовинистов» [Якобсон, 2007]. Критиков, в числе прочего, настораживает то, что в современном российском патриотическом дискурсе очень часто делается акцент на гордость за свою страну⁶ и куда реже (например, [Ямбург, 2011. С. 240]) — на способность человека переживать и стыдиться за нее, ощущая ее неправоту. Кроме того, в многочисленных работах о ПВ всячески подчеркивается уникальность российских истории, культуры, системы ценностей, но нечасто можно встретить осознание того, что во многих отношениях Россия вовсе не уникальна и не превосходит другие страны, у которых при необходимости отнюдь не зазорно учиться, заимствовать передовой опыт.

Тем не менее было бы ошибкой полагать, что мейнстримный российский патриотизм является союзником тех, кто проповедует нетерпимость по этническому, расовому или национальному признаку: напротив, в большинстве концептуальных работ по ПВ на воспитании толерантности и уважения к культурам и представителям других стран делается очень серьезный акцент. И все же ПВ пока не удалось жестко отмежеваться от радикального национализма, предложить убедительное объяснение того, почему представители таких взглядов не могут считаться патриотами: ведь они также призывают защищать Россию⁷, имея лишь несколько иные представления о том, кто является ее главными врагами. Более того, при всем повышенном внимании ПВ к изучению Великой Отечественной войны и при попытках его сторонников жестко контролировать интерпретации ее истории, в нынешних учебниках едва ли можно найти убедительное опровержение лежащего в основе идеологии нынешних российских скинхедов мифа о том, что Гитлер якобы не был врагом русского народа, а лишь воевал против контролировавшегося инородцами большевистского режима. Таким образом, убедительное размежевание с шовинизмом и радикальным национализмом по сей день является для ПВ нерешенной концептуальной задачей, притом что опасность перерождения патриотизма в национализм отмечалась еще в первой общенациональной программе ПВ [О государственной программе...].

Как ни странно, в огромной массе концептуальных работ по патриотическому воспитанию можно найти только очень редкие, краткие и, как правило, не содержащие практических рекомендаций упоминания о необходимости поощрения **принципиальной честности и способности идти против течения в отстаивании**

⁶ Сильный акцент на гордости в патриотическом дискурсе входит в противоречие с его апелляцией к христианской традиции, в которой гордыня считается одним из главных грехов.

⁷ Более того, скинхеды и представители других ультрарадикальных националистических группировок имеют обыкновение выкрикивать лозунг «Слава России!» при нападении на представителей этнических меньшинств.

своей позиции⁸. Это тем более удивительно, что такие качества очень важны для модернизации общества и построения эффективной экономики⁹, и потому отнюдь не случайно активные люди с безупречной репутацией столь ценимы в западных странах. К сожалению, в современной России спрос на те же качества как на определяющие продвижение по карьерной лестнице факторы пока довольно невелик, особенно по сравнению со спросом на лояльность непосредственному начальству и вышестоящим инстанциям в целом. В тех случаях, когда поощряются активность и принципиальность, как правило, подразумевается лоялистская активность, но не такая, которая по тем или иным причинам может рассматриваться как негодная существующей власти или какому-либо начальству. В весьма популярное в официозно-патриотическом дискурсе словосочетание «активная гражданская позиция» чаще всего вкладывается именно такой смысл.

Неудивительно поэтому, что **проблема борьбы с коррупцией**, одна из самых злободневных для современной России, в концептуальной мысли ПВ представлена лишь незначительно¹⁰. Безусловно, призывы к безукоризненной честности и пламенное обличение коррупции звучали бы не слишком убедительно из уст тех воспитателей или представителей власти, которые, как это нередко становится известным общественности (включая воспитанников), данными качествами не отличаются.

Дело доходит до весьма курьезных попыток примирения патриотизма и коррупции. Например, в 2008 г. известный российский политолог и публицист Александр Дугин призвал проводить различие между менее опасными патриотическими/евразийскими коррупционерами (которые не связаны с границей и инвестируют полученные средства в российскую экономику) и коррупционерами компрадорскими/атлантистскими, работающими в интересах зарубежных и враждебных России сил. Так как на данном этапе бороться с обеими группами коррупционеров невозможно, надо опираться на помощь первых, чтобы победить вторых [Дугин, 2008]. Даже оставляя в стороне этическую оценку такой стратегии, следует отметить, что проведение четкой грани между «компрадорской» и «патриотической» коррупцией на практике было бы весьма сложно, если вообще возможно: значительная часть (если не большинство) крупномасштабных коррупционеров сочетает

⁸ Фактически именно эти качества ставит во главу угла В. Якобсон, по мнению которого, «надо просто воспитывать порядочных людей, и они непременно будут патриотами» [Якобсон, 2007].

⁹ Всеобщая распространенность представлений о допустимости применения нечестных практик в ходе трудового процесса оборачивается для экономики огромными прямыми и косвенными потерями, в том числе из-за попыток внедрения все новых и новых мер борьбы с такими практиками.

¹⁰ Показательно, что лишь вскользь (и без попыток предложить конкретные «рецепты» противодействия) о коррупции упоминается во многих работах, посвященных патриотическому воспитанию сотрудников МВД, в том числе ГАИ. См., например, [Маслова, 2009; Лесняк, Зырянов, 2009].

патриотическую риторику с отнюдь не афишируемым инвестированием значительной части своих средств в экономику зарубежных стран.

В целом утверждения о бесполезности или даже вредности ПВ представляются неоправданно категоричными: неуважение молодежи к своей стране и к социальному окружению является серьезной проблемой, которую нельзя игнорировать и довольно непросто решить с помощью каких-то других (помимо патриотизма) установок. Вместе с тем, на наш взгляд, было бы рискованно рассматривать ПВ как панацею в воспитательном процессе: при нынешнем состоянии его концептуальных установок оно довольно беспомощно в противодействии радикальному национализму и шовинизму, в значительной степени толерантно к нечестности, беспринципности и приспособленчеству, включая коррупцию.

Концептуальное поле молодежного патриотизма, вопреки распространенному стереотипу, отнюдь не является чем-то монолитным и догматичным: на нем взаимодействует очень широкий круг самых разных подходов и мировоззренческих ориентаций. Охранительные версии патриотизма — военизированного, с акцентом на лояльность государству и представителям власти и противопоставлением патриотам «непатриотов» (или даже разного рода «врагов России») — не являются безальтернативными. Вполне возможны и другие версии, в которых всячески поощряются честность и принципиальность воспитываемых (включая допущение возможности считать свое государство неправым по отношению к другим странам), признается, что в защите нуждается не только государство, но также личность и общественные группы — от злоупотреблений с его стороны, провозглашаются отказ от поиска врагов и приоритет позитивных дел как базовые установки патриотического поведения. С учетом того, что любое понимание ПВ будет иметь свои концептуальные уязвимости, целесообразно стимулировать широкую общественную и научную дискуссию по данному вопросу при условии, что ее участники будут относиться с уважением ко мнениям оппонентов, резко расходящимся с их собственными.

Высокая политизированность патриотико-воспитательного дискурса предрасполагает к поиску «друзей», способствующих воспитанию молодежи в правильном духе, и «врагов» с их пособниками, которые сознательно или неосознанно наносят вред делу ПВ. Некоторые авторы считают такой поиск вполне естественным и полезным, иногда даже звучат сожаления о том, что исчезновение явных врагов России в связи с окончанием холодной войны размыло прежде четкую основу ПВ и нанесло таким образом ему серьезный ущерб [Суколенов, 2006. С. 30–31].

Для того чтобы иметь серьезное основание быть идентифицированным в качестве союзника молодежного патриотизма, нужно соответствовать относительно небольшому количеству

«Друзья»
и «враги»

критериев, в первую очередь разделять «патриотичные» интерпретации истории (особенно Великой Отечественной войны) и воздерживаться от резкой критики роли России/СССР в ключевых исторических событиях, выступать за сильное государство во внутривнутриполитической сфере и поддерживать его шаги по жесткому отстаиванию внешнеполитических интересов (впрочем, допускается критиковать этот курс за излишнюю мягкость¹¹). Лояльность существующей власти является желательным, но не обязательным условием: как уже отмечалось, официальному молодежному патриотизму пока не удается убедительно идеологически обосновать свою «каноничность» и вытеснить за пределы «патриотического поля» сторонников праворадикальных взглядов.

Активные приверженцы тех взглядов, которые очевидно не укладываются в эту матрицу, сильно рискуют быть зачисленными в разряд «непатриотов» и даже пособников тех «деструктивных сил» (в том числе и зарубежных), которые негативно воздействуют на «неокрепшее сознание представителей подрастающего поколения». В особенности в число «врагов» рискуют попасть «фальсификаторы истории», официальная кампания по борьбе с которыми интенсифицировалась в конце нулевых годов¹². Изначально она, вполне вероятно, имела своей целью рациональное опровержение узкого круга исторических интерпретаций, гиперболизирующих негативную историческую роль России или СССР в тех или иных событиях (например, Голодомор как геноцид украинского народа) или отрицающих решающий вклад нашей страны в победу над нацистской Германией во Второй мировой войне. Однако на практике борьба с фальсификаторами нередко сводилась к формуле «Россия всегда права», выливаясь в остракизм и диффамацию тех, кто пытался осуждать политику России по отношению к другим государствам или народам в какой бы то ни было период истории. В равной степени в «непатриотизме» сильно рискуют быть обвиненными те, кто призывает к внешнеполитическим уступкам (рассчитывая, например, что взамен страна получит какие-то другие выгоды), особенно если их предлагается сделать странам Запада или тем государствам, которые воспринимаются в качестве проводников их интересов.

«Врагами» молодежного патриотизма нередко провозглашают либералов и сторонников прозападной ориентации России,

¹¹ Российские власти, делая даже незначительные уступки зарубежным государствам на переговорах о делимитации границы или по другим принципиальным вопросам, очень часто навлекают на себя обвинения в предательстве национальных интересов со стороны СМИ и отдельных журналистов, позиционирующих себя в качестве патриотов.

¹² Важной вехой этой кампании стало создание в 2009 г. президентской Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Уже само название органа, по мнению некоторых критиков, подразумевает толерантное отношение к тем фальсификациям истории, которые интересам России соответствуют.

в некоторых случаях «космополитов» и даже приверженцев общечеловеческих ценностей [Сентюрин, 2007. С. 6]. Еще с конца 1990-х годов носителей подобных взглядов обвиняли в дискредитации самой патриотической идеи, в пропаганде чуждых России западных ценностей¹³ и фактически в произошедшей в «лихие 90-е» моральной деградации молодежи [Вырщиков, Кусмарцев, 2008. С. 3; Лесняк, Зырянов, 2009. С. 79; Сентюрин, 2007. С. 6–7]. Возлагая на «прозападных либералов» ответственность за разрушение традиционных устоев как основы воспитания подрастающего поколения, сторонники этой точки зрения почему-то систематически забывают упоминать о том, что возрождение религии и традиционализма на этнической основе произошло именно на волне либерализации конца 1980-х — 1990-х годов, тогда как в советский период пропаганда такого рода идей, как правило, жестко преследовалась.

Таким образом, что в разряд «непатриотов» легко могут попасть те молодые люди, которые имеют нешаблонную точку зрения на исторические и современные политические события, осознают их многомерность и обилие возможных интерпретаций, каждая из которых на тех или иных основаниях претендует на истинность и приоритетность перед другими. Без крайней необходимости (например, за исключением тех случаев, когда агрессивно отстаиваются явно антигуманистические и антисоциальные взгляды) подвергать таких молодых людей остракизму значило бы подавлять в них способность аргументированно и принципиально отстаивать свою точку зрения и анализировать проблему с разных позиций, находя нестандартные творческие решения. Потребность в обладателях таких качеств (так же как в людях честных и принципиальных) чрезвычайно велика в условиях происходящей в России модернизации и должна быть поставлена гораздо выше желания некоторых теоретиков и функционеров привить подрастающему поколению некую систему «единственно правильных» патриотических взглядов. Разработчикам концептуальных основ ПВ и другим акторам, оказывающим существенное влияние на проводимую в этой сфере политику национального и регионального уровня, по нашему мнению, следует сделать все возможное, чтобы минимизировать количество явных либо имплицитных «врагов» и оппонентов (а также частоту употреблений слова «непатриот») в патриотическом дискурсе. При обсуждении чувствительных для ПВ исторических и современных проблем приоритет должен отдаваться рациональному убеждению и диалогу на основе взаимного уважения участвующих в нем сторон.

¹³ К сожалению, авторы, которые утверждают, что западный опыт воспитания молодежи «нам не подходит», крайне редко уточняют, что конкретно имеется в виду, и еще реже обоснованно и детально ссылаются на положительный опыт каких-либо других зарубежных стран, например восточных.

А судьи кто?

Пожалуй, одной из главных проблем современного ПВ является способность самих воспитателей быть полноценным нравственным эталоном для своих воспитанников. К сожалению, далеко не всегда призывающие молодых людей любить Родину и бескорыстно отдавать все силы для ее процветания педагоги и функционеры воспринимаются своими слушателями в качестве такого эталона.

Данная проблема, которой, на наш взгляд, уделяется явно недостаточное внимание в современных работах по ПВ, связана не столько с механизмами отбора людей, занимающихся работой с молодежью, по каким-то индивидуальным критериям, сколько с системным кризисом молодежной и особенно образовательной политики в Российской Федерации. В самом деле, в 1990е — 2000-е годы учитель школы и преподаватель вуза, социальное положение которых прежде было достаточно престижным, превратились в полумаргиналов. Полунищие педагоги вряд ли могут рассматриваться основной массой учащихся как образец для подражания, к тому же зачастую эти педагоги по своей воле или под давлением участвуют в довольно-таки заметных для окружающих нечестных практиках: принудительном сборе денег на школьные нужды, выставлении явно завышенных оценок учащимся «со связями» или тем, кому угрожает отчисление, и т.п. Нередки случаи, когда преподаватели готовятся к занятиям недобросовестно¹⁴, а иные берут или откровенно вымогают взятки. Призывая своих воспитанников занимать активную гражданскую позицию, рядовые педагоги нечасто следуют этому принципу во взаимоотношениях с вышестоящими инстанциями, когда это было бы вполне правомерно и оправданно с моральной точки зрения. Не слишком убедительно звучат патриотические сентенции и из уст тех представителей руководства образовательных учреждений, которые, как это нередко становится известно учащимся по неформальным каналам, стоят за незаслуженными успехами протезируемых ими школьников или студентов, предоставляют сомнительные привилегии действующим на территории их организаций коммерческим структурам и получают доходы (зарплаты и различного рода премии), в совокупности во многие десятки раз превышающие доходы преподавателей тех же организаций¹⁵.

Также далеко не всегда убедительно выглядят в роли патриотических воспитателей представители власти: мнение об их едва ли не всеобщей коррумпированности (вне зависимости от его справедливости) широко распространено в российском обществе, а компрометирующая отдельных высокопоставленных функционеров информация быстро тиражируется не только

¹⁴ Многие преподаватели в условиях дефицита времени фактически лишь пересказывают на занятиях тексты чужих работ. Такие преподаватели не имеют особого морального превосходства перед недобросовестными учащимися, в том числе теми, кто систематически выдает чужие письменные тексты за свои.

¹⁵ Подробнее см.: [Голунов, 2011].

СМИ, но и по неформальным каналам. Адресованные нижестоящим по социальному положению слушателям поучения, которые руководящие работники далеко не всегда считают обязательными для самих себя, вызывают у таких слушателей раздражение и неприятие.

В таких условиях пропагандируемые в рамках ПВ идеи рискуют оказаться дискредитированными. В какой-то мере исправить положение может повышение статуса педагога, которое подразумевает не только достойную зарплату, но и возможность честно и беспристрастно выполнять свои обязанности, не вступая в компромиссы со своей совестью и будучи эффективно защищенным от различного рода неправомерного давления «сверху».

Существование патриотического воспитания имеет достаточно серьезное обоснование: уважение молодых граждан к собственной стране является важным условием ее нормального развития. Однако в настоящее время в патриотико-воспитательном дискурсе прослеживаются определенные сомнительные и тревожные тенденции: слабый упор на воспитание честности и принципиальности (включая непримиримое отношение к коррупции), неспособность убедительно противопоставить ПВ агрессивному национализму и нетерпимость к выразителям «недостаточно патриотичной» точки зрения на прошлое и настоящее России. Столь же серьезную — если не еще более значимую — проблему создает продолжающаяся деградация отечественной системы образования, угроза дальнейшего падения морального авторитета выступающих в роли воспитателей патриотизма педагогов и чиновников.

Учитывая, что концептуальное поле ПВ пока является достаточно гибким и способным к трансформации, автор не считает обсуждавшиеся выше проблемы принципиально непреодолимыми, однако отвечать на эти вызовы необходимо решительно и немедленно. Возможны по меньшей мере три стратегии трансформации роли ПВ в системе воспитательных приоритетов, каждая из которых имеет как свои плюсы, так и уязвимости.

1. ПВ остается доминирующим направлением воспитания, получающим все возрастающую финансовую и организационную поддержку со стороны государства. При таком подходе на него ложится львиная доля ответственности за все пробелы в системе воспитания граждан РФ, включая те, которые были упомянуты выше. Следовательно, состоятельность ПВ будет зависеть от способности дать не только концептуальный, но и практический ответ на эти вызовы.

2. ПВ не претендует на доминирующее положение в системе приоритетных направлений воспитания. В таком случае встает вопрос о равномерном распределении финансовой и организационной поддержки государства между всеми направлениями воспитания, включая гражданское, гуманистическое и нравственное. В данном случае целесообразно сфокусировать ПВ на решении

Выводы и рекомендации

относительно узкого круга вопросов, оставляя другие за пределами его «специализации». Однако и при таком подходе проблемы недостаточной терпимости мейнстримного ПВ к выразителям альтернативных точек зрения и падения морального авторитета педагогов требуют решения.

3. ПВ теряет свое значение и (по образцу многих западных стран) замещается воспитанием гражданской активности, гуманизма и толерантности, а также таких моральных принципов, как честность. Такой подход позволил бы избавиться от значительной части типичных для нынешнего российского патриотического дискурса уязвимостей, однако проблема морального авторитета педагогов и в этом случае стояла бы столь же остро. Кроме того, такой подход может работать полноценно лишь в условиях демократизации политической жизни: готовы ли, например, российские власти конструктивно взаимодействовать с оппозиционными молодежными движениями?

Какой бы из вариантов в конечном счете ни был избран, принципы и практическая политика ПВ нуждаются в серьезной доработке, учитывающей потребности модернизации российского общества, остроту проблемы межэтнических отношений и происходящие в мире процессы глобализации. При такой доработке целесообразно тщательно анализировать как отечественный, так и зарубежный опыт, внимательно и терпимо относясь к представителям различных точек зрения и подходов к решению проблемы.

Литература

1. Вырщиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Предисловие: патриотизм на службе России // Патриотически ориентированное образование: методология, теория, практика. / А.Н. Вырщиков (ред.) Волгоград: Панорама, 2008. С. 3–16.
2. Голунов С.В. Принцы и нищие, или Российский вуз как банановая республика в миниатюре // Троицкий вариант. 2011. № 77. <http://trv-science.ru/2011/04/26/princy-i-nishhie-ili-rossijskij-vuz-kak-bananovaya-respublika-v-miniatyure/>
3. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 гг.». Федеральное агентство по образованию www1.ed.gov.ru/files/materials/1641/full_version.doc
4. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 гг.». Правительство Российской Федерации <http://www.government.ru/media/2010/10/11/35730/file/795-pril.doc>
5. Дугин А. Не смертный грех? // Литературная газета. 2008. № 43. <http://www.lgz.ru/article/6237/>
6. Кива А. Фальшивый патриот опаснее врага // Свободная мысль. 2007. № 9. С. 5–16.
7. Киселев Г.С. Трагедия общества и человека. Попытка осмысления опыта советской истории. М.: Наука, 1992.

8. Лесняк В.И., Зырянов С.Г. Политическое и патриотическое воспитание работников органов внутренних дел современной России. Челябинск: Центр анализа и прогнозирования, 2009.
9. Маслова И.С. Формирование патриотического мировоззрения у сотрудников ГИБДД МВД России. Орел: ОрЮИ МВД России, 2009.
10. Национальный центр «Победа» <http://nc-pobeda.ru/>
11. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 гг.» // Красная звезда. 2001. 2 марта. http://www.redstar.ru/2001/03/02_03/document.html
12. Райхлина Е.Л. Патриотическое воспитание молодежи: сущность, традиции, концептуальные подходы в современной России. Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2009.
13. Сентюрин Ю.П. Политический экстремизм и патриотическое воспитание молодежи на современном этапе развития гражданского общества в России: дис. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2007.
14. Суколенов И.В. Теория и практика патриотического воспитания учащихся в современных условиях. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006.
15. Уткин В.Е. Военно-патриотическое воспитание как направление воспитательной работы в высшей военной школе. Казань: Отечество, 2009.
16. Хаустов В.М. Патриотическое воспитание как ведущее направление государственной молодежной политики: дис. ... канд. полит. наук. М.: Московский государственный гуманитарный ун-т им. М.А. Шолохова, 2007.
17. Якобсон В. Заметки беспартийного // Звезда. 2007. № 8. <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/8/ia14.html>
18. Ямбург Е.А. «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман?» // Народное образование. 2011. № 1. С. 233–240.
19. Яровиков О.Б. Патриотическое воспитание студентов в условиях интернационализации высшего образования: дис. ... канд. пед. наук. Великий Новгород, 2010.
20. Blum D. (2006) Official patriotism in Russia: Its essence and implications Washington: CSIS http://www.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/ponars/pm_0420.pdf
21. Laruelle M. (2009) In the name of the nation: Nationalism and politics in contemporary Russia. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
22. Phillips N., Hardi C. (2002) Discourse analysis: Investigating processes of social construction. Thousand Oaks: Sage.